

**АЛЕКСАНДР
ТАМОННИКОВ**

**ГРУЗ С ОСОБОЙ
ПЕЧАТЬЮ**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Груз с особой печатью / Александр Тамоников. —
Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Фронтовая разведка
41-го. Боевая проза Тамоникова).

ISBN 978-5-04-243760-1

Капитан Глеб Шубин получает назначение в одну из частей, действующих в восточной Словакии. Добираться предстоит на переоборудованном бомбардировщике, перевозящем почту для штаба армии. Однако из-за плохих погодных условий самолет вынужден совершить жесткую посадку в горах, не добравшись до места. Шубин и его спутники решают переждать непогоду в небольшой деревушке. Неожиданно там появляется банда фашистских недобитков, промышляющих в округе. Бандиты захватывают ценный багаж, выгруженный из самолета, и пытаются уйти горными тропами. Понимая, что допустить утрату секретной почты нельзя, Глеб организует погоню...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-243760-1 © Тамоников А.А., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА ПЕРВАЯ

С задания Глеб Шубин и оставшиеся в живых разведчики его группы вернулись в часть только спустя сутки после приземления самолета, в котором они летели в Сандомир. Освобожденных польских детей и женщин сразу же отвезли для восстановления в госпиталь, и о них и их дальнейшей судьбе Глеб больше никогда ничего не слышал.

С пленными пришлось повозиться — никто, кого они спрашивали, не знал, куда конкретно надо их отвести, чтобы допросить. В конце концов, доктора-изувера и его помощницу сдали на руки сотрудникам СМЕРШ. Глеб подробно объяснил, где он и его бойцы спрятали документы, изобличающие деятельность так называемого доктора, и объяснил сотрудникам СМЕРШ, где они могут найти живых свидетелей фашистских злодеяний.

Вся эта суета с детьми и пленными продолжалась до полудня, а когда она закончилась, разведчикам хотелось только одного — добраться до своей части и хотя бы немного поспать. Все валились с ног от

усталости после нескольких дней, проведенных без сна и в большом напряжении.

Попробовали искать попутку, но им сказали, что машина в нужную им сторону ушла час назад, а следующая будет только к вечеру.

— Если хотите уехать раньше, то лучше идите к выезду из города на контрольно-пропускной пункт, — посоветовал им один из офицеров снабжения. — Там можно попытаться поймать машину и уехать с пересадками.

Глеб задумался. Ехать с пересадками зимой — то еще приключение. Выкинут где-нибудь на перекрестке дорог, и будешь стоять, мерзнуть и ждать машину в нужном направлении. А когда она проедет — это еще вопрос.

— Нет, на попутках мы не поедем, — решил Шубин. Он немного подумал и предложил своим разведчикам: — Идемте поищем, где можно поесть и согреться. А там будет видно.

Глеб хорошо говорил по-польски, и поэтому они хотя и с большим трудом, но нашли квартиру, хозяйка которой за плату согласилась накормить их горячим супом и выделить угол для отдыха.

Поели, но отдохнуть у них так и не получилось. В квартиру вошел комендантский патруль, в который входили одни поляки, и потребовал у разведчиков документы. Но ни у Шубина, ни у остальных разведчиков документов не оказалось, и их отвели в

комендатуру для выяснения личности и обстоятельств их пребывания в городе.

— Если вы советский разведчик, то отчего на вас немецкая форма? — допытывался у Глеба старший патрульный.

Глеб, как мог, не вдаваясь в излишние подробности, объяснил, при каких обстоятельствах ему пришлось переодеваться в немецкую форму, но его слова не убедили поляка, и тот, пока разведчиков вели по улице, все время подозрительно косился на Шубина.

— Вот чудак человек, — усмехнулся Теплицын, когда Глеб объяснил ему, что беспокоит поляка. — Были бы вы, товарищ капитан, немецким шпионом, так разве бы стали напоказ ходить в немецкой форме?

— А ты ему сам это объясни, — посоветовал радист Жданович и поинтересовался у Шубина: — Как думаете, товарищ капитан, когда все выяснится, нам отдадут наше оружие и рацию? Мне за рацию начальство голову оторвет, что не сберег. Будь мы фрицы или диверсанты какие, разве бы так просто отдали бы им наше оружие?

— Точно! — заметил Теплицын. — Чудные они, эти поляки.

— Отдадут, не переживай, — успокоил радиста Глеб. — И рацию, и оружие.

Пока поляки выясняли, что да как, пока связывались с местным советским штабом фронта, а те,

в свою очередь, со штабом 3-й гвардейской танковой армии, наступил вечер. Дверь камеры, в которую посадили разведчиков, открылась, и кто-то по-русски сказал:

— Выходите, товарищи.

Извиняться перед ними никто не стал, но Глеба это совершенно не волновало. Он понимал, что время сейчас такое, когда под подозрение может попасть каждый — будь то мирный поляк или советский разведчик.

— Теперь можно и на контрольно-пропускной пункт отправиться, — потягиваясь и зевая, сказал Савельев.

В отличие от Глеба, остальные разведчики успели немного поспать, хотя в камере, куда их поместили, было довольно прохладно, и народу, кроме них, было, как селедок в банке. Для разведчиков нашлось место только у самой двери. Они присели на пол и, опершись о стену, немного подремали. Глеб же садиться не стал. Ему все равно не удалось бы уснуть или даже просто подремать — не давали покоя разные мысли, навязчиво крутившиеся в голове.

Он думал об Астафьеве и остальных разведчиках, которые погибли, прикрывая отход остальных с детьми. Его не мучили угрызения совести, что он, как командир, позволил Ренату и остальным сделать то, что они сделали, — пожертвовать собой

ради спасения детей. На месте Астафьева он поступил бы точно так же.

Единственное, о чем он жалел, — что не сам пошел на смерть, а вместо него погиб его друг и боевые товарищи. Но, с другой стороны, поступить иначе он не мог. Командир не имел права рисковать собой и всей операцией, оставляя вместо себя помощника. Другое дело, если бы он, Глеб Шубин, был серьезно ранен и не смог бы провести детей и женщин через лес. Если бы не было никакой надежды на то, что он сможет выдержать путь по заснеженному лесу и был бы для всех только дополнительной обузой, то тогда он обязательно остался бы и прикрывал отход остальных вместо Астафьева. Остался и не чувствовал бы сейчас той горечи от утраты друга, которая душила его, заставляя сердце щемить и болеть.

Шубин понимал, что его, когда он вернется в часть, будут всенепременно допрашивать, выясняя обстоятельства гибели половины группы. Он понимал ту ответственность, которая лежала на нем, как на командире, когда принимал решение освободить детей. И он готов был отвечать за свои действия, готов был отстаивать свою правоту вплоть до штрафного батальона, в который его могли бы отправить за те действия, которые привели к трагедии.

«Война — это не просто боевые действия и выполнение приказов командиров, — думал Глеб. —

Война — это прежде всего испытание совести и чести, испытание на человечность. Было бы бесчеловечным оставить детей на дальнейшее растерзание доктора-изувера. Я не мог поступить иначе».

Этимися словами Глеб не оправдывал себя. Он понимал, что прими он другое решение, то сейчас Александров, Астафьев, Пиня, Летица и Китаев были бы живы. Но и тогда совесть бы все равно не давала Глебу покоя из-за того, что он оставил умирать детей, хотя и мог попытаться их спасти. Где-то внутри Шубина находились некие весы совести, на чашах которых в какой-то момент вдруг оказались два самых сложных для Глеба решения — освободить детей и увеличить риск гибели группы или оставить детей и всем вернуться с задания живыми. И чаша, где лежали детские судьбы, перевесила, поставив тем самым точку в судьбе самого Шубина.

Хотя, возможно, пока что не точку, а многоточие. Мало ли как все сложится дальше? Но даже этот вариант таил в себе неизвестность, от которой Глеб не ждал сейчас ничего хорошего. Впрочем, Шубин готов был к любому раскладу, потому как знал, что гибель Астафьева и остальных не была напрасной. Дети теперь в безопасности, и у них есть будущее. В отличие от того полного боли короткого существования, которое ждало их в немецкой клинике или в концентрационном лагере.

И это успокаивало Глеба, делало его сильнее и настраивало на решительное отстаивание своей правоты.

Им повезло. Едва они появились на КПП при выезде из города и объяснили дежурному, что им требуется, как попутная машина, следовавшая в нужном им направлении, появилась у шлагбаума.

— Да куда же я вас посажу? — начал отнекиваться водитель, когда Шубин попросил подвезти его и товарищей. — У меня полный кузов ящиков с боеприпасами. Не положено мне людей перевозить при таком грузе. Мне за такие дела не просто выговор влепят, а под трибунал отправят за нарушение техники безопасности. Были бы вы один — другое дело. В кабине уместились бы. А в кузов никак нельзя. Снаряды там.

— Что ты заладил — снаряды, снаряды, — подступил к водителю Теплицын. — Мы тут каждый день рискуем. Снаряды и сверху, и снизу, и со всех сторон. Так что же — теперь на одном месте топтаться и ждать, когда все закончится? Этак мы и войну не выиграем.

— Давай, браток, подвези, — присоединился к другу Савенков. — Ты нас за километр до села высадишь из кузова. Дальше мы пешком пойдем. Никто и не узнает, что ты вез кого-то. А командира нашего в кабину посади. За это тебя никто ведь ругать не станет, что человека подвез.

— Имей совесть, подвези, — насели на водителя и Вальцов со Ждановичем. — Нам без разницы, на чем сидеть. На ящиках с боеприпасами, так на них. Лишь бы ехать. Наступление ведь не сегодня так завтра начнется, а мы тут застряли. Из разведки мы возвращаемся, понятно тебе?

Водитель еще немного помялся, но потом все-таки согласился.

— Ладно, лезьте в кузов. Но если что, я вас, как и договорено, высажу раньше.

— Высадишь, высадишь, — радостно согласились разведчики, забираясь в грузовик. — На все согласны, только подвези.

Шофер оказался общительным и, увидев на Глебе немецкий мундир, поинтересовался, для чего это он его нацепил?

— Так получилось. Разведчики мы, — коротко пояснил Глеб и, повернувшись к окну, стал смотреть в темноту на едва различимые силуэты деревьев, обступивших дорогу с обеих сторон.

Но шофер не отставал и все расспрашивал Глеба о том, куда ходили на задание да как очутились так далеко от своей части. Шубин отвечал неохотно, отделяваясь короткими и ничего не говорящими фразами. В конце концов, водитель отстал и тоже замолчал, закулив папироску и открыв при этом окно.

— Разве можно курить? — повернулся и строго посмотрел на шофера Глеб.

— Нельзя, — честно ответил тот и, сильно затаившись пару раз, погасил папиросу. — Но иногда так хочется, что сил нет терпеть. Да и уснуть за рулем боюсь. Когда сильно устаю, приходится пару затяжек делать, чтобы взбодриться. Вторые сутки без сна мотаюсь, — пояснил он. — Ты разведчик и должен понимать, что значит не спать.

— Понимаю, — кивнул Шубин. — Сам трое суток толком не спал, — вздохнул он.

— Так ты поспи чуток, пока едем, — добродушно заметил водитель. — А как подъезжать станем, я разбужу.

Глеб в знак благодарности кивнул, устроился удобней, прислонился головой к стеклу и добросовестно попробовал вздремнуть. Но едва он закрыл глаза, как перед его мысленным образом возникли все, кто остался их прикрывать и погиб. Сначала — Астафьев, а за ним и остальные ребята. Все вставали перед ним как живые. Они что-то говорили ему — кто с улыбкой и смехом, кто-то серьезно и даже сердито. Но что именно — Глеб никак не мог разобрать. Он видел только, как шевелятся губы, но не слышал слов. Да ему и не нужны были слова, чтобы понять — они просто пришли попрощаться с ним. Там, где они погибли, — не успели, а вот теперь — пришли.

И Глеб мысленно говорил с ними, тоже прощался. А когда сказал им все, что накопилось у него на

сердце, видения исчезли. Ушли. И Шубин понял, что больше они не вернутся к нему. По крайней мере во снах. В воспоминаниях-то, конечно, они всегда будут оставаться для него живыми. Такими, какими он их помнил и знал. И Глеб, облегченно вздохнув, все же погрузился в глубокий сон...

— Товарищ офицер, товарищ офицер...

Кто-то толкал Шубина и звал его. Но он никак не мог открыть глаза и посмотреть, кто это был. Потом все-таки открыл и удивился, не совсем понимая, где он находится. Но звук незатихающего двигателя и лобовое стекло перед ним напомнили — он в попутной машине и возвращается в часть из Сандомира.

— Крепко же вы уснули, — заметил водитель, когда Шубин посмотрел на него еще сонным, но уже вполне осмысленным взглядом. — Просыпайтесь. Подъезжаем уже. Километров семь до Бильчи осталось.

Шубин выпрямился и потянулся, расправляя плечи и восстанавливая, насколько это было можно сделать в тесной кабине грузовика, затекшие за время крепкого сна мышцы. В кабине стоял терпкий запах махорки. Значит, водитель опять затягивался, приводя себя в чувство, чтобы не заснуть. Глеб спросил:

— Ты в самую Бильчу путь держишь или дальше поедешь?

— В Бильчу, — ответил шофер. — У меня в кузове подарки артиллеристам. Вы не слышали, когда наступление начнется? — поинтересовался он.

— Когда точно, пока никто не знает, — ответил Глеб. — Но, по слухам — совсем скоро. Один-два дня, и начнем... Ты нас где высадишь?

— А вот до поворота на село доберемся, и высажу. Так вы бы, товарищ офицер, сидели в кабине. Вас до самой Бильчи довезу. В кабине-то можно пассажира везти.

— Да нет, я лучше со своими пешком, — отказался Глеб. — Тем более что нам в саму Бильчу и не надо вовсе. Наша часть левее села стоит. Ничего, пешком дойдем. Спасибо, что подвез.

— Да не за что, — смутился водитель. — Я бы рад вас хоть до самой вашей части довезти, да не положено. Боеприпасы у меня...

Глеб не ответил, застегнул шинель и приготовился выходить на мороз. В кабине было тепло, и выходить не очень-то хотелось. Но надо было — никуда не денешься.

На повороте к Бильче грузовик остановился. Разведчики вышли. Поблагодарили и распрощались с шофером.

— Ну, теперь последний марш-бросок, и мы дома, — заметил Вальцов. — Хоть поедим нормально.

— А что, польская похлебка тебе не понравилась? — поинтересовался Жданович.

— Это ты, Митя, все подряд мелешь, как не в себя, — добродушно отозвался Вальцов. — А у меня желудок к такой еде иностранной не привык. Острая уж слишком у этих поляков похлебка. Да и когда мы ели в последний раз? Правильно — в обед. В камере нас никто не кормил, а теперь уже скоро завтракать пора, а мы еще не ужинали.

— Ничего, до дому дотерпишь, — усмехнулся Савельев, дружески похлопав Вальцова по спине. — Бери пример со Ждановича. Он хотя и детдомовский и желудком больной, но о еде даже не вспоминает.

— Вспоминаю, — со вздохом ответил радист. — Только вот вслух свои мысли не высказываю.

— Вот и правильно, — одобрительно проворчал Теплицын. — Дома и еда вкуснее кажется. Что бы нам ни дали, а все лучше, чем польское хлебово... А вы, товарищ капитан, как думаете?

— Никак не думаю, — устало ответил Глеб. — Я и есть-то не хочу. Высплюсь, а там видно будет.

Разговаривать ему не хотелось, и разведчики, почувствовав настроение Шубина, больше ни о чем его не спрашивали. Шли, тихо переговариваясь между собой. Но вскоре и они притихли и последние несколько километров до своих окопов шагали молча, думая каждый о своем. И только один раз Жданович, вздохнув, сказал:

— Как вы хотите, а мне наших ребят, что остались там, возле Гожакева, не хватает.

Все молча с ним согласились, но вслух высказываться никто не стал. Да и не нужны были тут никакие слова. И так всем все было понятно — без всяких слов. Терять друзей всегда тяжело, а на войне — вдвойне тяжело. Потому как на войне всегда живешь с осознанием, что следующим можешь быть уже ты.